

Л. П. Водясова, Сложное синтаксическое целое в современном эрзянском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Саранск 2001.

2 ноября 2001 г. на заседании Диссертационного совета Д 212.116.01 при Мордовском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Любови Петровны Водясовой на тему: «Сложное синтаксическое целое в современном эрзянском языке».

Работа выполнена на кафедре мордовских языков Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева по специальности 10.02.22 «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские и самодийские языки)».

Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Л. П. Васикова (Йошкар-Ола), доктор филологических наук профессор А. Н. Куклин (Йошкар-Ола), доктор филологических наук профессор О. Е. Поляков (Саранск).

Исследования проблем синтаксиса в настоящее время направлены за пределы отдельных предложений с ориентацией на анализ текстовых единиц и текста как целого речевого произведения.

Не приходится отрицать и того, что сам уровень научной интерпретации узловых тем в области лингвистики текста в определенном смысле отстает от потребностей школьной и вузовской практики. В специальной литературе неоднократно отмечалось, что увлеченные анализом структуры предложений, способов выражения главных и второстепенных членов, установлением моделей и типов связи между элементами предложений, исследователи обычно уделяли мало внимания сущности лингвистики текста, вследствие чего многие принципиальные вопросы теоретико-понятийного плана этой единицы вербальной коммуникации по сей день не получили сколько-нибудь общепринятого решения (ср., в частности, трактовка лингвистического содержания понятия текста, определения границ между предложением и текстом, теоретические обоснования основных признаков текста и т.п.).

Следовательно, многие понятия лингвистики текста еще не стабилизировались, недостаточно обобщены и не имеют собственных названий в понятийно-терминологическом аппарате.

В диссертационной работе Л. П. Водясовой дается не только квалификационная характеристика основной структурной единицы текста — сложного синтаксического целого (ССЦ), но и устанавливаются и описываются способы и средства связи его компонентов в эрзянском языке, а также способы объединения отдельных самостоятельных ССЦ между собой в макротексте. Вместе с тем автор вполне оправданно останавливается на анализе анафорики, катафорики, связующей роли различных частей речи, последовательности членов предложений и т.д.

Поскольку лингвистика текста не была предметом специального исследования в мордовском языкознании, работа Л. П. Водясовой весьма актуальна и обращение к ней очень своевременно не только для решения научно-практических задач филологической науки, но и для разработки общетеоретических вопросов компаративистики и контрастивной грамматики.

Структура работы (350 с. компьютерного текста) отличается логичностью и стройностью. Она состоит из предисловия (с. 5—13), введения (с.14—51), трех неравнозначных по объему глав: «Сложное синтаксическое целое как одна из основных структурных единиц текста в современном эрзянском языке» (с. 52—119), «Средства межфразовой связи в современном эрзянском языке» (с. 120—275), «Способы связи между сложными синтаксическими целыми в современном эрзянском языке» (с. 276—306), заключения (с. 307—319).

Список использованной теоретической литературы — 270 наименований, список источников — из 85 наименований.

В предисловии содержится обоснование темы, общая характеристика работы, теоретическая и практическая значимость ее; указываются основные методы

и источники, фамилии и инициалы отечественных и зарубежных филологов, в трудах которых затрагиваются различные аспекты лингвистики текста, отмечается степень апробированности работы. Оно завершается краткой аннотацией, где автором справедливо подчеркивается, что в последние годы одним из основных объектов исследований в языкознании стал текст. Это обусловлено как социальными потребностями, так и логикой внутреннего развития самой лингвистической науки. При этом Л. П. Водясова обоснованно отмечает, что изучение текста, его семантики, процессов его порождения и восприятия, его свойств, связанных с функционированием в конкретном акте коммуникации, имеет важное теоретическое и практическое значение (с. 11).

Во введении (с. 14—51) освещается историография вопроса. Анализ источников начинается с античной риторики, и это справедливо, поскольку с точки зрения хронологии вряд ли можно указать на более ранние работы по лингвистике текста.

Что касается работ последних десятилетий, затрагивающих многоаспектную природу текста и отличающихся нетривиальностью подхода к его описанию, то в своих последующих изысканиях автор может оперировать теоретическими положениями, содержащимися в главе «Лексико-грамматическая организация высказывания и текста («грамматика речи»)» учебного пособия В. Г. Гак «Сравнительная типология французского и русского языков» (Москва 1989, с. 261—275), статьями, опубликованными в XVII выпуске серии «Новое в зарубежной лингвистике» (Москва, 1986). Дополнительными источниками для анализа в сопоставительном плане лексико-грамматической организации высказывания и текста могут быть учебные пособия по развитию речи, нацеленные на формирование коммуникации в разных сферах речевого общения. К числу таковых можно отнести учебное пособие по развитию речи для студентов эстонских вузов К. Алликметс и А. Метса «Язык... ситуации... общение...» (Таллин 1980); «Пособие для студентов гуманитарных специальностей» А. Родима, М. Матина, Л. Дуличенко и др. (Таллин 1988); «Пособие по обучению речевому обще-

нию» Л. С. Байковой, П. А. Эслон (Таллин 1985).

Во введении же автором определяется статус текста как единицы вербальной коммуникации, обосновывается подход к его анализу, излагается точка зрения автора на основные признаки текста и его структурные единицы. По ее мнению, в определении текста наиболее важными являются следующие основные положения: текст — это единица вербальной коммуникации; текст характеризуется содержательной и структурной завершенностью; в тексте выражается отношение автора к сообщаемому. На этой основе к его главным конституэнтам следует отнести информативность, связность и модальность (с. 40).

Рассматривая основные структурные единицы текста современного эрзянского языка (с. 40—51), Л. П. Водясова отмечает, что «структурная единица текста, хотя во многом и определяется типом, жанром, прагматической установкой и многими другими лингвистическими и экстралингвистическими факторами, относится к числу нестандартизированных явлений языка» (с. 51).

Первая глава работы, состоящая из пяти разделов, посвящена анализу сложного синтаксического целого (ССЦ) как одной из основных структурных единиц текста в современном эрзянском языке (с. 52—119).

В попытках дать определение сложного синтаксического целого выявляются две основные тенденции: определение ССЦ с помощью логико-смысловой и грамматической связи сцепляемых простых и сложных предложений в одно семантико-синтаксическое целое.

Однако более точным является определение ССЦ, данное А. В. Дудниковым в учебнике «Современный русский язык» (Москва 1990, с. 406): «Сложное синтаксическое целое (сверхфразовое единство) — это такая единица монологического высказывания, которая раскрывает одну из его частных тем и состоит из ряда предложений, объединенных между собой параллельной или цепной связью».

Главу завершают умело сформулированные выводы. Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что в системе эрзянского языка наиболее употребитель-

ными являются сложное синтаксическое целое (ССЦ), линейно-синтаксическая цепь, паратакис, диалогическое единство, изолированные одиночные («свободные») предложения (с. 117).

Вторая глава «Средства межфразовой связи в современном эрзянском языке» (с. 120—275) является самой большой и наиболее теоретизированной частью работы и состоит из 20 разделов. Написана она на основе анализа значительного количества научной литературы и обширного фактического материала.

Вопрос о средствах межфразовой связи (МФС — одна из центральных проблем в языкознании, с давних пор привлекающая внимание исследователей как индоевропейских, так и уральских и тюркских языков). Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что фразовые «скрепы» не только служат показателями консолидации предложений, но и отражают логические связи и отношения в тексте, с их помощью выражаются его содержательные категории (с. 273).

Автор солидарна с синтезирующей по своему характеру точкой зрения Л. М. Лосевой в определении понятия «межфразовая связь» (с. 120). Сущность обобщенной формулировки такова: «Межфразовая связь — это связь между предложениями, ССЦ, абзацами, главами и другими частями текста, организующая его смысловое и структурное единство» (Л. М. Лосева, Как строится текст, Москва 1980, с. 9). Однако в завершающую часть определения Л. М. Лосевой рецензент внес бы стилистические коррективы такого характера: ... организующая его смысловую спаянность и структурное единство.

Средства межфразовой связи Л. П. Водясова правомерно подразделяет на лексические и грамматические. К грамматическим отнесены союзы, частицы, местоимения, наречия, вводные слова, соотношение форм глаголов-сказуемых, порядок слов в компонентах ССЦ и т.д. (с. 122). Хотелось бы узнать, нельзя ли отнести союзные слова к средствам МФС?

В большинстве случаев, как явствуют выводы грамматистов, союзное слово и союз различаются формально. Автономность союза в составе предложения не вызывает сомнений. Связующую функ-

цию он осуществляет независимо от грамматических характеристик связываемых словоформ и даже независимо от их принадлежности к определенной части речи.

В некоторые положения автора, не отрицая принципиально правильной их трактовки, рецензент хотел бы внести уточнения. Так, рассматривая семантику эрзянских вводных слов *окойники* 'наконец', *истямо ладсо* 'таким образом', Л. П. Водясова приходит к выводу, что они имеют итоговое значение (с. 217). Разумеется, они имеют обобщающее значение.

Отдавая должное качеству перевода мордовских предложений, следует однако отметить некоторые неточности. Например, *Теке Вирява* переведено *Словно Вирява* (мифологический персонаж, букв. 'Женщина леса') (с. 268). Точный перевод композиты *Вирява* 'Богиня леса', букв. 'Мать леса'.

В связи с этим у рецензента возникает вопрос: сохраняют ли эрзянские сложные синтаксические целые свою форму и содержание в переведенных на русский язык текстах или же подвергаются значительной адаптации по законам иноязычной грамматики, утрачивая при этом те способы и средства связи компонентов, которые характерны для оригинала?

Сложность и многоаспектность языковых фактов побудили автора поместить в этой главе графические изображения соотносительных форм времени глагольных сказуемых в ССЦ (с. 231, 232, 236), символические записи (схемы) порядка слов в компонентах ССЦ (с. 244, 246, 247, 248, 254, 255);

Выводы, к которым приходит автор, не вызывают сомнения. Глава насыщена хорошо проанализированными примерами из художественной литературы и периодической печати.

Глава «Способы связи между сложными синтаксическими целыми в современном эрзянском языке» (с. 276—306) невелика по объему, но очень важна для иллюстрации механизма объединения смысловой связью двух или более сложных ССЦ в законченных произведениях.

Л. П. Водясовой изучены разные типы текстов, различающиеся не только целевой установкой, но и использованием различных средств межфразовой связи. Она

обоснованно подчеркивает, что структурно связь между двумя и более ССЦ осуществляется с помощью зачинов смежных единств (или концовки предшествующего ССЦ и зачина последующего), соединенных цепной (последовательной), параллельной или (в более редких случаях) присоединительной связью (с. 305). Средствами же оформления связи между отдельными ССЦ чаще всего выступают повторы (эксплицитный или имплицитный, с элементами обобщения или без них), вводные слова, восклицательные и вопросительные предложения, союзы, частицы и т.д. (с. 306).

Исследование завершается заключением (с. 307—319), содержащим умело сформулированные выводы по трем главам.

В работе, несмотря на основательную обработку подаваемого материала, все же имеются отдельные недостатки: стилистические погрешности в переводах эрзянских предложений на русский язык (с. 208, 209, 212, 251, 253, 291); орфографические опуски (с. 217, 266); ошибки в названиях отдельных источников.

Уместно отметить, что Л. П. Водясова иногда ограничивается ссылкой на учебное пособие одного какого-либо издания, упуская из виду его позднейший переработанный вариант. Подобное отношение к источникам, разумеется, исключает из техники анализа фактор преемственности.

Отмеченные погрешности, неточности и недомолвки легко устранимы и не снижают общей положительной оценки работы.

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью констатировать, что Л. П. Водясова разрешила многие ключевые вопросы лингвистики текста, до сих пор остававшиеся нерешенными в мордовском языкознании. По своему содержанию предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Репрезентация конкретных наблюдений и выводы автора аргументированы, научно обоснованы. Теоретическая и практическая значимость их несомненна, поэтому они могут быть использованы при исследовании текстовых единиц и текста как целого речевого произведения других родственных языков и найдут применение в преподавании курсов синтаксиса, сравнительной грамматики, сопоставительной типологии, финноугроведения в вузах республик Урало-Поволжского историко-географического региона.

Теоретические положения и иллюстративный материал работы могут служить подспорьем при составлении «Сравнительной грамматики мордовских языков», «Сопоставительной типологии русского и мордовских языков».

Работа Л. П. Водясовой «Сложное синтаксическое целое в современном эрзянском языке» содержит свежий добротный фактический материал и отличается научной новизной и обоснованностью выводов. Она, несомненно, восполняет существенный пробел в изучении лингвистики текста как в мордовском языкознании, так и в уралистике в целом.

А. Н. КУКЛИН (Йошкар-Ола)